

В МИРЕ КНИГ

Ежемесячный журнал **7·87**

МОЛОДЕЖНЫЙ КЛУБ

БЖАГАВАДГИТА:

книга мудрости

или
МОДНЫЙ ТОВАР?

ПЛОДОВЕДЕНСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

«Нам нужен Высоцкий-поэт»

ПЕРЕСТРОЙКА общественно-го сознания — это и перестройка оценок и вкусов. Чем решительнее перемены в обществе, тем быстрее меняется наше отношение ко многим явлениям жизни, в том числе к журнальным и газетным публикациям. То, что вчера встречалось восторженно, главным образом из-за труднопроходимости, сегодня кажется привычным и удивления не вызывает.

Первые статьи о Владимире Высоцком, а чуть позже — первые подборки его стихотворений, воспринимались чуть ли не как акты гражданского мужества редакторов. Номера «с Высоцким» расхватывались, об этих публикациях говорили. Прошло вроде бы совсем немного времени, но, кажется, нет уже ни одного издания, которое не внесло бы свою посильную лепту в воздание посмертных почестей замечательному актеру и поэту. Будто то, что ему недодали при жизни (вернее, не дали вообще), теперь лихорадочно, суетливо наворачивается, будто все вдруг спохватились и оправдываются за долгое молчание долгим прощанием. И вот парадокс — с одной стороны, Алексей Аджубей совершенно справедливо пишет на страницах «Огонька»: «Когда на экранах ТВ поет наконец Владимир Высоцкий — это подают как «маленькое недоразумение» (пожалуйста, слушайте, смотрите), и отсюда еще очень далеко до поворота к главной дороге». А с другой — вполне отчетливо зазвучали иные голоса: «Сколько можно о Высоцком? Открываешь газету — Высоцкий. По радио, телевидению — Высоцкий. Не слишком ли много разговоров о нем?..»

Подобные мнения, правда, не высказываются со страниц печати. Даже самые убежденные в прошлом противники Высоцкого не рискуют нынче выносить свое раздражение на всеобщее обозрение. Но если точка зрения высказывается лишь в разговорах, можно ли вообще ее не замечать?..

Признаемся: и мы поначалу сомневались — нужна ли в журнале повторная публикация стихов Высоцкого. Нужна ли она сейчас, когда «можно», когда вроде бы утолен первый голод на его поэзию и скоро увидит свет новый сборник, когда мы рискуем услышать упреки в раздувании ненужного ажиотажа?.. Наши сомнения развеяли читательские письма — отклики на публикацию в одиннадцатом номере за прошлый год.

«Мне кажется, этот материал — прекрасное свидетельство здоровых перемен в жизни общества, — пишет В. Г. Сычев из Свердловской области. — И потому особенно своевременна главная мысль публикации, выраженная в заголовке «Он должен остаться, каким был...» Думаю, вы попали в самую суть — слишком уж много сейчас желающих представить творчество Высоцкого сквозь призму собственных представлений о границах и рамках «допустимого», тщательно «причесать» его в угоду своим концепциям. Эта тенденция возмутительна и... видимо, неистребима — мы уже имеем полный комплект «накрахмаленных» и «выглаженных» писателей XIX века, тщательно прополотую и прореженную поэзию первой половины нашего века, да и наших современников так «дистиллируют», что публикация Ю. Трифонова о А. Твардовском (спасибо «Огоньку») аттестуется чуть ли не как нравственное преступление нашей «перестроившейся» «Литературной газетой».

Спасибо вам не за слова, за Дело! Надеюсь, что в следующем году вы найдете возможным продолжить публикацию произведений Высоцкого. Я очень прошу вас об этом...»

А вот что пишет В. М. Ковтун из Киева: «Хочется поделиться с вами чувством огромной радости, вызванной у меня — да, уверен, не у меня одного — публикацией «Он должен остаться, каким был...» Спасибо вам за этот, увы, довольно редкий подарок всем почитателям

таланта нашего замечательного современника. Стихи подобраны очень удачно (к сожалению, опять хочется сказать: на редкость удачно). Замечательно, что журнал представил стихотворные варианты, менее знакомые широкой аудитории. Жаль, что на страницах печати еще отдают предпочтение неглубоким, неточным, повторяющим одно и то же статьям о Высоцком, а его поэзию представляют редко. Тем очевиднее на их фоне глубоко ответственный и честный подход журнала к обнародованию поэтических текстов. Владимир Семенович навсегда останется, каким был, но, чтобы все смогли увидеть его таким, надо дать ему слово. Нам нужен Высоцкий-поэт...»

Мы не случайно выбрали именно эти письма. Они довольно точно передают общий тон читательской почты, пришедшей в редакцию. А. Н. Афанасов из Липецкой области, С. В. Кукурузов из Красноярского края, А. Стрельников из Казахстана, В. Н. Николенько из Днепрпетровска, Е. С. Волченко из Хмельницкой области, М. Минкаилова из Литвы и многие другие просят о том же — шире представить на страницах журнала поэтическое творчество Высоцкого.

ПИСЬМА убедили нас: популярность Высоцкого не идет на убыль в связи с его, так сказать, официальным признанием. Может, потому она не подвержена времени, что никогда не зависела ни от какой рекламы и сложилась во времена, когда всенародное признание еще не было залогом проходимости в печати произведений талантливого поэта. Время, напротив, работает «на Высоцкого», ибо отделило «дружков» от друзей. Первых привлекала сенсационность имени, сладкая полузапретность тем некоторых его песен. Вторые — и их огромное большинство — искренне почитают творчество нашего талантливого современника, знают его, понимают, бережно хранят магнитофонные записи его пе-

сен. И не заменить эти по многу раз переписанные пленки никакими пластинками, потому что лишь они передают атмосферу концертов Высоцкого — тот дух доверительности, раскрепощенности, какой-то необыкновенной сплоченности зала в любви и презрении ко всему тому, что любил и ненавидел певец, стоящий на небольшой сцене Дома культуры или клуба. Сами эти записи для нас уже символы недавнего прошлого — 70-х годов.

Во всех письмах повторяется одна и та же мысль — разговоров о Высоцком много, а в периодике опубликована лишь незначительная часть его творчества. Читательница М. Минкаилова подсчитала: всего около 50 стихотворений. Это из 630, имеющих по подсчетам комиссии при Союзе писателей СССР по литературному наследию В. С. Высоцкого. «Поэзия Высоцкого нужна нам сегодня, — пишет М. Минкаилова. — И, может быть, сегодня больше, чем когда бы то ни было, потому что каждой своей строчкой поэт закликает: «Не лгите!.. Будьте совестливы!.. Помните!..», а отступление от этих заветов может нам опять дорого стоить...»

Нас порадовала та заинтересованность, с которой читатели отнеслись к текстам опубликованных стихотворений. Во многих письмах содержатся предложения по этому поводу. Так, Л. А. Демин из Свердловска считает нецелесообразным включение предпоследней строфы в текст «Райских яблок». «Известно, что автор не исполнил эту строфу в своих выступлениях. Она есть только в рукописи», — пишет он. Замечание справедливо, но следует иметь в виду, что исполнительский вариант у Высоцкого не всегда совпадал с литературным. Владимир Семенович хорошо чувствовал, что «звучит» в слове произнесенном и «не звучит» на бумаге, и потому в окончательном варианте часто опускал некоторые разговорные выражения, например, восклицания, а иногда даже целые фразы. Как уже говорила в интервью корреспонденту Н. А. Крымова — ответственный секретарь комиссии, — работу по окончательной подготовке текстов к печати Владимир Семенович проделать не успел, и поэтому при подготовке стихотворений к публикации необходимо учитывать ряд обстоятельств, сопровождавших творческий процесс автора. Все высказанные читателями замечания пере-

даны комиссии и будут учтены при подготовке сборника В. Высоцкого в издательстве «Советский писатель».

Письма от любителей и знатоков творчества Высоцкого выделяются в потоке редакционной почты и содержанием, и особым настроением. Читатели не только высказали свои соображения по поводу публикации, но и поделились воспоминаниями о концертах Высоцкого, на которых им удалось побывать, рассказали о вечерах памяти поэта в их учреждениях и на предприятиях, во дворцах и домах культуры. Это были дружеские письма. Даже опечатка, которая прошла в цитате из песни (было напеча-

но «Моя судьба — до последней черты, до креста...» вместо «Мне судьба — до последней черты, до креста...»), не вызвала обычного в таких случаях потока гневных писем. Редакцию не ругали, не обвиняли в недобросовестности и прочих грехах, а просто обратили внимание — тактично, доброжелательно.

Мы еще раз благодарим всех, кто прислал в адрес редакции и комиссии теплые, заинтересованные письма, и, откликаясь на многочисленные просьбы, предлагаем подборку стихотворений Владимира Высоцкого.

Н. ЗАГАЛЬСКАЯ

Енгибарову — клоуну от зрителей

Шут был вор, он воровал минуты,
Грустные минуты тут и там.
Грим, парик, другие атрибуты
Этот шут дарил другим шутам.

В светлом цирке, между номерами,
Незаметно, тихо, налегке
Появлялся клоун между нами
В шутовском дурацком колпаке.

Зритель наш шутами избалован.
Жаждет смеха он, тряхнув мощной,
И кричит: «Да разве это клоун?
Если клоун — должен быть
смешной!»

Вот и мы... Пока мы вслух ворчали:
«Вышел на арену, так смейся!» —
Он у нас тем временем печали
Вынимал тихонько из души.

Мы опять в сомненьи — век
двадцатый,
Цирк у нас, конечно, мировой,
Клоун, правда, слишком
мрачноватый,
Невеселый клоун, несмешной.

Ну, а он, как будто в воду канув,
Вдруг при свете, нагло, в две
руки

Крал тоску из внутренних
карманов
Наших душ, одетых в пиджаки.
Мы потом смеялись обалдело,
Хлопали, ладони раздробя.
Он смешного ничего не делал, —
Горе наше брал он на себя.

Только балагурия, тараторя,
Все грустнее становился мим,
Потому что груз чужого горя
Из упрямства он считал своим.

Тяжелы печали, ощутимы...
Шут сгибался в световом кольце,
Горше становились пантомимы,
И морщины глубже на лице.

Но тревоги наши и невзгоды
Он горстями выгребал из нас,
Нам давая видимость свободы,
А себе защиты не припас.

Мы теперь без боли хохотали,
Весело, по нашим временам:
«Ах! Как нас приятно обокрали —
Взяли то, что так мешало нам!»

Время! И, разбив себе колени,
Уходил он, думая свое.
Рыжий воцарялся на арене,
Да и за пределами ее.

Злое наше вынес добрый гений
За кулисы, вот нам и смешно.

Тысячи украденных мгновений
В нем сосредоточились в одно.
В сотнях тысяч ламп погасли свечи,
Барабана дробь... и тишина.
Слишком много он взвалил на плечи
Нашего. И сломана спина.

Зрители, и люди между ними,
Думали: «Вот пьяница упал».
Шут в своей последней пантомиме
Заигрался и переиграл.

Он застыл не где-то, не за морем,
Возле нас, как бы прилег, устав.
Первый клоун захлебнулся горем,
Просто сил своих не рассчитав.

1972—1974

* * *

Я вам расскажу про то, что будет,
Я такие вам открою дали...
Пусть меня историки осудят
За непонимание спирали.

Возвратятся на свои на круги
Ураганы поздно или рано,
И, как сыромятные подпруги,
Льды затянут брюхо океану.

Словно наговоры и наветы,
Землю обволакивают вьюги.
Дуют, дуют северные ветры,
Превращаясь в южные на юге.

Упадут огромной силы токи
Со стальной коломенской версты,
И высоковольтные потоки
Станут током низкой частоты.

И завьются бесом у антенны,
И, пройдя сквозь омы — на реле,
До того ослабнут постепенно,
Что лови их стрелкой на шкале!

В скрипе, стук, скрежете и гуде
Слышно, как клеветают и судачат.
Если плачут северные люди —
Значит, скоро южные заплачут.

И тогда не орды чингиз-ханов,
И не сабель звон, не конский
топот,—
Миллиарды выпитых стаканов
Эту землю грешную затопят.

[1976]

Тот, который не стрелял

Я вам мозги не пудрю —
уже не тот завод:
В меня стрелял поутру
из ружей целый взвод.
За что мне эта злая,
нелепая стезя,—
Не то, чтобы не знаю,—
рассказывать нельзя.

Мой командир меня почти что спас,
Но кто-то на расстреле настоял.
И взвод отлично выполнил приказ,
Но был один, который не стрелял.

Судьба моя лихая —
давно наперекос,—
Однажды «языка» я
добыл, да не донес.
И «особист» Суэтин —
неутомимый наш —
Еще тогда заметил
и взял на карандаш.

Он выволок на свет и приволок
Подколотый, подшитый матерьял.
Никто поделаться ничего не смог.
Нет. Смог... один, который
не стрелял.

Рука упала в пропасть
с дурацким звуком: «Пли!»
И залп мне выдал пропуск
в ту сторону земли.
Но слышу: — Жив, зараза!
Тащите в медсанбат!
Расстреливать два раза
уставы не велят.

А врач потом все цокал языком,
И, удивляясь, пули удалял,
А я в бреде беседовал тайком
С тем пареньком, который
не стрелял.

Я раны, как собака,
лизал, а не лечил.
В госпиталях, однако,
в большом почете был.

Ходил, в меня влюбленный,
весь слабый женский пол:
— Эй, ты, недостреленный!
Давай-ка на укол!

Наш батальон геройствовал
в Крыму,

И я туда глюкозу посылал,
Чтоб было слаще воевать ему.
Кому? Тому, который не стрелял.

Я пил чаек из блюдца,
со спиртиком бывал.
Мне не пришлось загнуться,
и я довоевал.
В свой полк определили:
— Воюй, — сказал комбат, —
А что не дострелили,
так я, брат, даже рад.

Мне быть бы радым, но, присев
у пня,
Я выл белугой и судьбину клял,—
Немецкий снайпер дострелил меня,
Убив того, который не стрелял.

1973

* * *

Я спокоен — Он все мне поведал.
Не таясь, поделюсь, расскажу —
Всех, кто гнал меня, бил
или предал,
Покарает Тот, кому служу.

Не знаю как — ножом ли под
ребро,
Или сгорит их дом и все добро,
Или сместят, сомнут, лишат

свободы,
Когда — опять не знаю, — через
годы
Или теперь, а может быть — уже.
Судьбу не обойти на вираже,

И на кривой на вашей
не объехать,
Напропалую тоже не протечь.
А я? Я — что! Спокоен я — по мне
хоть

Побей вас камни, град
или картечь.
1979

Про глупцов

Этот шум — не начало конца,
Не повторная гибель Помпеи.
Спор вели три великих глупца —
Кто из них, из великих, глупее.

Первый выл: — Я физически глуп!—
Руки вздел, словно вылез

на клирос, —
У меня даже мудрости зуб,
Невзирая на возраст, не вырос!

Но не приняли это в расчет,
Даже умному это негоже.
Ах, подумаешь — зуб не растет!
Так другое растет — ну и что же?

К синяку прижимая пятак,
Встрял другой: — Полно вам,
загалдели!

Я способен все видеть не так,
Как оно существует на деле.

Эх! Нашел чем хвалиться,
простак! —

Недостатком всего поколенья.
И, к тому же, все видеть не так —
Доказательство слабого зренья.

Третий был непреложен и груб,
Рвал лицо на себе, лез из платья:
— Я — единственный подлинно
глуп,

Ни про что не имею понятия.

Долго спорили — дни, месяца,
Но у всех аргументы убоги.
И пошли три великих глупца
Глупым шагом по глупой дороге.

Вот и берег, дороге конец.
Откатив на обочину бочку,
Жил в ней самый великий мудрец,—
Мудрецам хорошо в одиночку.

Молвил он подступившим к нему,—
Дескать, знаю — зачем, кто
такие.

Одного только я не пойму:
Для чего это вам, дорогие!

Или, может, вам нечего есть?
Или мало друг дружку побили?
Не кажитесь глупее, чем есть,
Оставайтесь такими, как были.

Стоит только не спорить о том,
Кто главней, — уживетесь отлично.
Покуражьтесь еще, а потом,
Так и быть, приходите вторично.

Он залез в свою бочку с торца,
Жутко умный, седой и лохматый.
И ушли три великих глупца —
Глупый, глупенький и глуповатый.

Удаляясь, ворчали в сердцах:
— Стар мудрец, никакого сомненья!
Мир стоит на великих глупцах,
Зря не выказал старый почтенья.

Потревожат вторично его,—
Темной ночью попросят:
— Вылазьте!

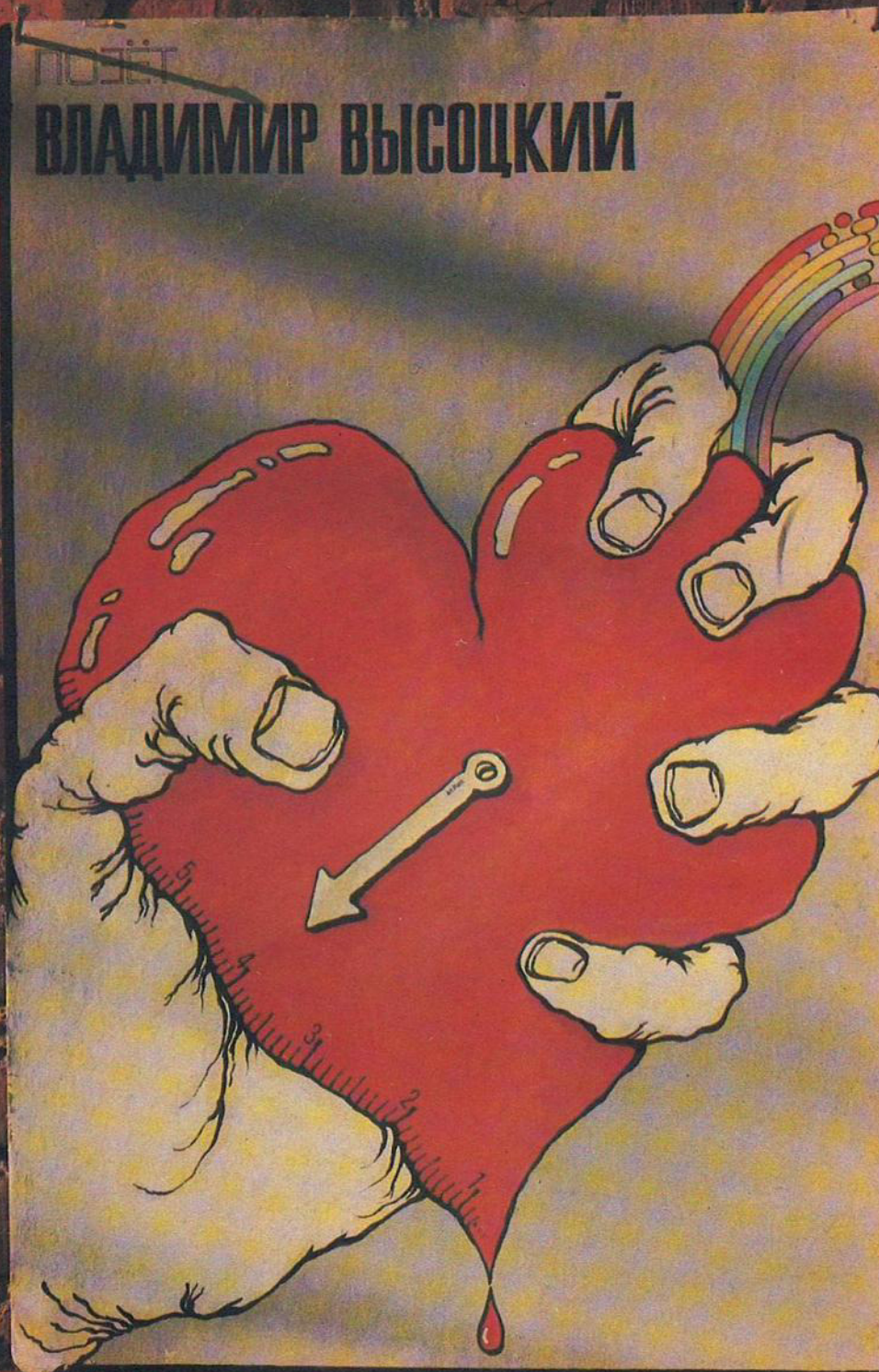
Все бы это еще ничего,
Но глупцы состояли при власти.

И у сказки бывает конец,
Больше нет на обочине бочки, —
В «одиночку» отправлен мудрец.
Хорошо ли ему в «одиночке»?

1977

Публикуемые тексты представлены
комиссией по литературному наследию
В. С. Высоцкого при Союзе писателей
СССР.

Фото Д. Чижкова

«Нам нужен Высоцкий-поэт»

— считают десятки читателей, откликнувшихся на публикацию о жизни и творчестве Владимира Семеновича Высоцкого в № 11 нашего журнала за 1986 год. В этом номере мы поместили обзор поступивших писем и новую подборку стихов и песен поэта (с. 66).